

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЯ КАК РЕМЕСЛО И ИСКУССТВО

Зильберт Б.А.

*ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная консерватория (академия)
им. Л.В.Собинова», Саратов, e-mail: kamoregor@mail.ru*

В статье анализируются понятия «ремесло» и «искусство» с позиций профессионального становления специалиста-психолога. Статья посвящена рассмотрению того, как сопрягаются в деятельности профессионального психолога система технических навыков («ремесло») и интеллектуальный творческий процесс («искусство»). Обращаясь к методологиям крупных исследователей и практиков, внесших фундаментальный вклад в историю науки, автор концентрирует внимание на природе связей ремесла и искусства в деятельности психолога. Эти связи прослежены на абстрактно поведенческом уровне, а также на уровне практического консультирования. В статье показано, что в отличие от большинства дисциплин гуманитарного цикла, психология не стремится дистанцироваться от искусства. Профессионализм психолога не сводится лишь к владению техниками и практиками, но определяется его профессиональной самоидентичностью, решающую роль играют личностные особенности ученого.

Ключевые слова: ремесло, творчество, технические навыки, психолог-практик, самоидентичность

PSYCHOLOGY AS A CRAFT AND ART

Zilbert B.A.

*FGBOU VPO «Saratovskajagosudarstvennajakonservatorija (akademija)
im. L.V. Sobinova», Saratov, e-mail: kamoregor@mail.ru*

The article analyzes the concept of «craft» and «art» from the position of professional formation of a specialist-psychologist. The article is devoted to consideration of how integrated in the activities of a professional psychologist the system of technical skills («craft») and intellectual creative process («art»). Turning to the methodologies of major researchers and practitioners have made a fundamental contribution to the history of science, the author focuses attention on the nature of the craft and art in the activities of the psychologist. These links traced back to abstract the behaviour level, and also at the level of practical advice. In article it is shown that in contrast to the majority of disciplines of humanitarian cycle, psychology does not seek to distance themselves from the art. The professionalism of the psychologist is not limited only to possession of the techniques and practices, but is determined by his professional self-identity, the crucial role played by personal qualities of a scientist.

Keywords: crafts, creative writing, technical skills, psychologist-practitioner, the self-identity

Прежде всего, хотелось бы по возможности точно определить значение слов, составляющих формулировку темы статьи: «ремесло» и «искусство». Словарь русского языка АН СССР толкует понятие «ремесло» как «совокупность профессиональных навыков, техническая сторона профессии, занятия» [10]. Хорошо известно, что навыки относятся к одному из подклассов неосознаваемых механизмов сознательных действий, а именно к подклассу «неосознаваемых автоматизмов». Навык представляет собой так называемый вторичный автоматизм, то есть автоматизированное действие, прошедшее через сознание и переставшее осознаваться. Любой навык вырабатывается постепенно, гибко приспособляясь к изменениям условий среды, постоянно совершенствуясь. Это происходит благодаря возможности временного возвращения любого компонента навыка под контроль сознания для корректировки и переделки.

Тот же словарь определяет понятие «искусство» как «отрасль творческой ... деятельности», а в переносном смысле как «умение, мастерство, тонкое знание дела» [11]. Сравним с определением в словаре В.И. Даля: «мастерство, требующее

большого умения и вкуса» [4], совпадающим с определением академического словаря почти дословно. В формулировке нашей темы слово «искусство» использовано именно в переносном смысле для обозначения большого умения, тонкого вкуса и мастерства в деятельности профессионального психолога.

Итак, подробно разобрав филологические толкования, делаем первый вывод: ремесло – это техническая сторона профессии, совокупность вторичных наработанных автоматизмов, постоянно совершенствующихся, а искусство психолога – творческая сторона профессии, включающая мастерство, умение, вкус, граничащая с художественным творчеством (то есть искусством в прямом смысле слова). В аспекте поведения, если ремесло мы рассматриваем как навык, то искусство – интеллектуальная сторона профессии психолога. Интеллект представляется нам как качественное изменение в поведении психолога (в процессе общения с пациентом). Оно заключается в том, что интеллектуальный акт деятельности всегда состоит из двух качественно разных фаз: фазы подготовки (планирования) и фазы реализации замысла, идеи, чего ни-

когда нет в привычке. Ремесло как система навыков, представляющих формы индивидуального опыта, индивидуального изменчивого поведения личности психолога, включается в интеллект в фазе подготовки в качестве незаменимого фундамента и используется в фазе реализации замысла. Фаза реализации интеллектуального акта наблюдается нами извне как совершающаяся внезапно (сравним с понятием «инсайт» – озарение, в гештальтпсихологии). В этом заключается формальная разница между ремеслом как техническими навыками, вырабатываемыми постепенно, и искусством как интеллектуальными актами деятельности, совершающимися внезапно для нас.

Такова картина связей ремесла и искусства в деятельности психолога на абстрактно поведенческом уровне. При этом ремесло как система навыков в принципе сознанием не контролируется, в то время как искусство в качестве интеллектуального творческого процесса всегда находится в фокусе нашего произвольного внимания, в центральной зоне сознания.

Стоит специально сказать о союзе «и» (в формулировке темы «ремесло и искусство»), который Л.С. Выготский называл «коварным», чаще разделяющим, чем соединяющим объекты. Мы обязаны избежать такого понимания: именно объединение этих двух понятий имеет смысл для психологии. Более того, такое объединение является необходимым условием развития нашей науки.

Велик соблазн ограничиться здесь выводом, что ремесло как владение достаточным набором техник есть необходимый базис, фундамент для творческих попыток применения психологии и что одно без другого не может обойтись. Однако такой вывод упрощает ситуацию. При более глубоком изучении проблемы выясняется, что итогом наших исследований скорее будет сама постановка многих вопросов, привлечение внимания к проблеме, чем какие-либо окончательные и исчерпывающие ответы на эти вопросы. Многие научные дисциплины гуманитарного цикла часто стремятся дистанцироваться от искусства; в частности, это относится и к наукам, которые занимаются изучением тех или иных видов искусства. Литературоведы (в большинстве своем; разумеется, мы говорим о доминирующих, традиционных тенденциях, есть и исключения) стремятся провести разграничительную черту между своими исследованиями и собственно литературой, искусствоведы предпочитают все же предоставлять изобразительное искусство самим художникам, музыковеды обычно не сочиняют музыку и т.д.

Психология же демонстрирует, скорее, обратную тенденцию. Словосочетание «искусство психотерапии» присутствует в названиях многих учебников (например: Р. Мэй «Искусство психологического консультирования»: Дж. Бьюдженталь «Искусство психотерапевта»), психологические журналы публикуют статьи, в заголовках которых мелькает слово «искусство», и т.п. Многие психотерапевты и практические психологи и сами говорят о своем занятии как о своего рода искусстве. Отчасти этого требует от них их профессиональная гордость, стремление к экспансии собственного метода и прочие эгоистические соображения, которые трудно признать объективными. Однако иногда утверждения о психотерапии как о своего рода искусстве являются следствием действительного самоанализа и рефлексии того, что происходит в ходе психотерапевтического процесса на самом деле. Возможно, примером приближения психологии к искусству может служить система творческой психотерапии М.Е. Бурно [1] и, в частности, метод маскотерапии Г.М. Назлояна [8].

Следует отметить, что ориентация на искусство (творчество, артистизм, мастерство, требующее умения и вкуса) в психологии – прерогатива не только практиков, но, в первую очередь, свойство теоретической работы академических психологов (ср. название статьи Г. Олпорта «Личность: проблема науки или искусства?») [9]. Обращение только к отечественной психологии являет нам блестящие примеры этого. Возьмем, например, уже ставшее классическим определение роли Л.С. Выготского как «Моцарта психологии». Такая объемлющая метафора подчеркивает, в первую очередь, такие «музыкальные» черты стиля научной работы Выготского, как легкость исполнения, импровизация, виртуозность владения инструментом и так далее. Его работы, написанные блистательным литературным языком, зачастую читаются вовсе не как научная литература, но напоминают по стилю его же блестящие театральные и музыковедческие рецензии и эссе. То же может быть сказано и о некоторых книгах другого великого отечественного психолога, Александра Романовича Лурии. Более того, этот подход был избран им сознательно. Речь идет о провозглашаемой Лурией «романтической науке», принципы которой были реализованы им в книгах о мнемонисте Шерешевском и солдате Засецком («Маленькая книжка о большой памяти» и «Потерянный и возвращенный мир»).

В какой еще науке, претендующей на собственные объективные методы, само-

стоятельные теории, порой даже парадигмы исследования, – так важно имя и личностные особенности ученого? Черты характера Менделеева, Дарвина или Гельмгольца интересны преимущественно либо историкам науки, либо отдельным ее энтузиастам, но значимой практической ценности для химии, биологии или физики они не имеют. Психология же – одна из немногих наук (вкуче с филологией, философией и, отчасти, историей), и уж единственная из наук естественных, в которой есть хрестоматии, где собраны оригинальные тексты великих психологов. Если работы Ньютона уже давно превратились в главу «Законы тяготения» учебника физики и даже просто в формулы типа $F = ma$, то в психологии смысл сказанного находится в большой зависимости от того, кем это сказано. Слово «сознание», казалось бы, один из ключевых концептов науки, вполне сравнимый с той же самой силой гравитации в физике, в работах З. Фрейда, У. Джемса, Ф. Перлза, А.Н. Леонтьева приобретает совершенно разные, нередко противоречащие друг другу значения, а у бихевиористов это понятие отсутствует вообще. Можем ли мы представить себе группу физиков, просто-напросто отказавшихся от закона всемирного тяготения? Известно как легенда шутовское замечание А.Н. Леонтьева, обращенное к студенческой аудитории якобы на экзамене: «Я понимаю, что психология вам трудно дается, ведь вы ее учите, а я ее создаю, придумываю». И он действительно создавал, даже «придумывал» психологию, и в известном смысле был не только ученым, но творцом, «художником психологии», «конструирующим мир».

Такая зависимость говоримого от личности говорящего, текста от его автора, теории от ее создателя, зависимость, подтверждающая положение квантовой физики о невозможности исключения влияния экспериментатора на ход самого эксперимента, неотделимость наблюдателя от наблюдаемого, – такая зависимость приводит к мысли о том, что пантеон научного сообщества психологов состоит скорее, в первую очередь, именно из «мастеров науки», чем из ученых в строгом смысле этого слова.

Подобно тому, как, по выражению Анны Ахматовой, стихи растут из сора, искусство психологии вырастает из техники и ремесла. Без знания общепсихологических теорий, классических экспериментальных данных, хрестоматийных фактов науки, конкретных методик и техник работы (все перечисленное и есть навыки как формы индивидуального опыта) останется невозможным никакое психологическое творче-

ство, оказывается недоступной психология как искусство. Однако профессионализм психолога не сводится лишь к владению техниками и практиками тех или иных психотерапевтических школ. В первую очередь, уровень подготовки психолога определяется его профессиональной самоидентичностью, методологической рефлексией или, говоря проще, ответом на вопрос: «Кто я и что я делаю?». Но одно посещение тренингов и индивидуальных сессий не может, как правило, дать на этот вопрос вразумительный ответ. Приобщение к «психологическому искусству» (как искусству науки, так и искусству практики) происходит также через обучение правильному восприятию психологических фактов.

Глубина проблемы, возникшей у человека, обратившегося к психологу за помощью, неоднозначна, многопланова. Возможно, для ее решения достаточно и одной консультации, с расставлением «всех точек над «i»», а возможно, потребуется не один месяц бесед с применением техник разных школ. Чем быстрее пациент решит свою проблему, тем искуснее будет считаться психолог. И если даже теоретические конструкты, в рамках которых «находится» психотерапевт в процессе «ведения» клиента, диаметрально противоположны в своих основах, важен результат: решение проблемы – главное, за чем пришел человек к специалисту. Но как быть, если специалист способен действовать только в рамках одной теории и просто неспособен осознать свою беспомощность в данной ситуации? Вариант ответа дает Л.С. Выготский: «Предмет психологии самый трудный из всего, что есть в мире, наименее поддающийся изучению, способ его познания должен быть полон особых ухищрений и предосторожностей, чтобы дать то, чего от него ждут».

Владение теми приемами, которые действительно работают и могут реально помочь в ситуации, есть ремесло. А вот способность выбрать тот способ, который наиболее эффективен в конкретном случае, есть уже нечто большее. Различие между психологическим ремеслом и искусством психолога кроется, на наш взгляд, в существовании двух принципиально разных подходов к личности (индивидуальности). Ремесло психолога представлено так называемым структурным подходом к личности. При таком подходе черты личности, проявляющиеся в способах поведения, предстают как исходные, неизменные данные. Их источники – либо природа, либо среда, то есть черты личности либо врожденные, либо приобретенные. На крайнем полюсе такого подхода личность представляет собой жесткий

ригидный характер, структуру неизменных свойств. Отсюда вытекают способы работы психолога-терапевта с пациентами:

1) диагностика -установление наличия и степени выраженности свойств, черт, способов поведения;

2) коррекция этих свойств, черт, способов поведения.

Такой подход к личности можно назвать также диагностико-коррекционным. Человек рассматривается здесь как личность, не готовая к решению своих проблем. В такой ситуации психотерапевту, как правило, достаточно работать на ремесленном уровне. Более того, такой специалист может и не быть психологом по основному образованию, ему достаточно выписать из толковых словарей все определения, относящиеся к отдельному человеку (индивидуальности), и усвоить их.

Но есть и другой подход к личности, назовем его функциональным. Человек рассматривается как развивающаяся личность, создающая артефакты для решения своих проблем. Такой человек очевидно сам создает свои свойства в течение всей своей жизни, при этом он сам находит способы решения своих личностных проблем. Ему для этого уже не нужен психотерапевт, но ему необходим психолог-консультант. Дело в том, что психологическое консультирование – это обучение клиента нахождению новых проблем: научился решать свои проблемы – учись замечать новые.

Психологическое консультирование – это переход от ремесла к искусству психологии. Теоретически такой подход был обоснован в рамках направления, получившего название «гуманистической психологии» в США в середине XX века Карлом Роджерсом и Абрахамом Маслоу. К. Роджерс и А. Маслоу говорили о том, что человеку присуща некая внутренняя сила – тенденция к самоактуализации, направляющая его развитие в сторону наиболее полного раскрытия, разворачивания заложенных в нем возможностей, сил и способностей. Развитие – это разворачивание того, что уже в человеке заложено. «Хороший психотерапевт, – говорит А. Маслоу, – помогает своему пациенту услышать свои внутренние голоса, слабые команды своей собственной природы в соответствии с принципом Спинозы, согласно которому подлинная свобода состоит в том, чтобы принять и полюбить неизбежное, саму природу реальности». Виктор Франкл, создатель методики логотерапии (взгляды которого близки к гуманистической психологии) писал: «Смысл нельзя дать, его нужно найти самому при помощи психолога». И здесь искусство

психолога просто уже не может находиться в рамках какой бы то ни было одной теории. В каждом конкретном случае необходимы разные навыки и огромный багаж знаний, уже не только психологических, который имеет специалист и который может и должен быть применен в ситуации консультирования.

Когда К. Роджерсу в очередной раз задавали вопрос о тех методиках, которые он использует, он лишь понимающе улыбался и говорил: «Работайте своей личностью». В этих словах, на наш взгляд, заключено понимание психологии как искусства, как дисциплины, овладев знаниями которой, специалист рано или поздно приходит к пониманию того, что техническая, прикладная сторона конкретных методик воздействия и взаимосвязи всевозможных теоретических конструкций представляет собой лишь первую ступень, стартовую площадку для действительного понимания личности.

Здесь необходимо вспомнить о «пирамиде потребностей» Л. Маслоу, знакомой каждому психологу. Она представляет собой 7 ступеней личностного роста человека, представляющих природные, социальные и собственно личностные потребности. В начале собственно личностного слоя, на 5-м уровне возникает потребность в познании самого себя. К. Роджерс так комментирует эту потребность. У человека возникает особое эмоциональное состояние – эмпатия, то есть сопереживание мыслям и чувствам других людей. Эта концепция Роджерса легла в основу групповой психотерапии и техники открытого общения. Участники сеанса откровенно рассказывают друг другу о себе, и тогда перед каждым из них оказывается несколько «зеркал», то есть любой другой человек для каждого участника становится как бы зеркалом, через которое он узнает новое о себе. Именно Роджерс ввел термин *психологическое консультирование*, он стал называть консультирующихся у него не пациентами, а клиентами. Именно клиент, по Роджерсу, – развивающаяся личность, активно познающая себя.

Роджерс создал и демонстрировал на своих сеансах мощнейшую технику «зеркала»: он довел технику пересказа содержания сообщения одного клиента другим до совершенства, повторяя буквально те же фразы, которые говорил клиент, но с особой интонацией.

Замечательно определил суть психотерапии Д. Бьюдженталь: «Быть психотерапевтом значит занимать особое место среди зрителей человеческой драмы. Это место позволяет мне в какой-то степени заглядывать за сцену, но оно же требователь-

но вовлекает меня и в происходящее, так что я не могу оставаться пассивным зрителем, а снова и снова становлюсь частью действия. Я каждый раз оказываюсь эмоционально захваченным той жизнью, которая открывается передо мной, и тем содержанием, которое я чувствую в ней. И еще я постоянно ощущаю потребность отступить на шаг, поразмышлять о том, что я переживаю и разделить эти размышления с другими».

Отступим и мы на шаг от нашей стержневой темы – соотношения ремесла и искусства в психологии. Сделаем этот шаг в сторону эстетики мышления замечательного философа Мераба Константиновича Мамардашвили. Это тот самый шаг, который необходим для создания пространства для собственных рассуждений, через которые метафорическим, опосредованным образом мы дополним картину соотношения ремесла и искусства в психологии.

В процессе психологической помощи, по словам Мамардашвили, «...знание не переживается из головы в голову в силу одного простого онтологического обстоятельства: никто вместо другого не может ничего понимать, понять должен сам». (Ср. со словами В. Франкла, приведенными ранее). Я могу пройти максимально далеко, – пишет далее Мамардашвили, – максимально сузить воронку, внутри которой должен вспыхнуть акт понимания, но акт понимания сам должен вспыхнуть, и он не выводим из всего того, как я суживал эту воронку». Постигая смысл, человек сам способен продвинуться в решении своей проблемы, и умение избрать нужные способы для этого «сужения воронки» составляет искусство психолога.

И еще: мысль, по Мамардашвили, не просто следует за предшествовавшей ей мыслью, мысли не текут одна за другой, но одна рождает другую. Рождение мысли – это прежде всего – *усилие* понимания, «усилие во времени» (так, собственно, Мамардашвили и определял жизнь). Именно это – порождение собственной мысли, собственного хода рассуждения в психологии и является собственно искусством, творчеством психолога.

Список литературы

1. Бурно М.Е. Терапии творческим самовыражением. – Екатеринбург, 1999.

2. Бюдзенталь Д. Наука быть живым – М., 1998.
3. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Психология. – СПб., 2000.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах – М., 1980. Т.2. – С. 52.
5. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. – М., 2000.
6. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеал рациональности. – М., 1994.
7. Маслоу А Новые рубежи человеческой природы – М., 1999.
8. Назлоян Г.М Психотерапия методом скульптурного портретирования. – <http://www.maska.a2h.ru>.
9. Олпорт Г. Личность: проблема науки или искусства? // Психология личности: тексты. – М., 1982.
10. Словарь русского языка: в 4-х томах. – 2-е изд. – Т. III. – М., 1984 – С. 705.
11. Словарь русского языка: в 4-х томах. – 2-е изд. – Т. I. – М., 1981. – С. 680.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.

Reference

1. Burno M.E. Terapii tvorcheskim samovirazheniem. Ekaterinburg, 1999.
2. Byudzhtental D. Nauka byt zhivym M. 1998.
3. Vygotskiy L.S. Istoricheskiy smysl psikhologicheskogo krizisa // Vygotskiy L.S., Psihologiya. SPb., 2000
4. Dal V. Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo yazyka v 4-h tomah. M., 1980. T.2., p. 52.
5. Mamardashvili M.K. Estetika myshleniya. M., 2000.
6. Mamardashvili M.K. Klassicheskiy i neklassicheskiy ideal ratsionalnosti. M., 1994.
7. Maslou A. Novye rubezhi chelovecheskoj prirody. M., 1999.
8. Nazloyan G.M. Psihoterapiya metodom skulpturnogo portretirovaniya. URL: <http://www.maska.a2h.ru>.
9. Olport G. Lichnost: problema nauki ili iskusstva? // Psihologiya lichnosti: teksty. M., 1982.
10. Slovar russkogo yazyka v 4-h tomah. Izd. 2-e. T. III. M. 1984 p.705.
11. Slovar russkogo yazyka v 4-h tomah. Izd. 2-e. T. I. M. 1984 p. 680.
12. Frankl V. Chelovek poiskah smysla M. 1990.

Рецензенты:

Шамяионов Р.М., д.псих.н., профессор, зав. кафедрой психологии образования Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов;

Рахимбаева И.Э., д.п.н., профессор, директор Института искусств Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Работа поступила в редакцию 03.07.2012.